

Человек в истории и культуре

**Театральный художник
Валентин Федоров**

Первоклассник Валя

Семья

Преподаватель Ибресинской художественной школы
художник Илья Григорьевич Бородкин

Студент Чебоксарского художественного училища 1975-1979 г.г.

Служба в вооруженных силах 1979-1981 г.г.

Учёба в Школе-студии (ВУЗ) при МХАТ 1983-1988 г.г.

Чувашский государственный театр оперы и балета

Указ Президента Чувашской Республики о присвоении почетного звания «Заслуженный художник Чувашской Республики», 1999 г.

Валентин ФЕДОРОВ: Русского в Америке узнаю сразу

Похоже, что главный художник Чувашского государственного театра оперы и балета Валентин Федоров побил все рекорды, выдав за один сезон в одном театре четыре ярких постановки, две из которых успели побывать в Испании, маски «Паццев» основательно взбудоражили публику, а балет «Лолита» показал, что художник не зря столько лет колесил по Америке.

Если бы в республиканском театральном конкурсе «Узорчатый занавес» существовала номинация «Трудолюбие и вдохновение», трижды лауреат «Узорчатого занавеса», без сомнения, стал бы и ее победителем. Однако, по словам самого В. Федорова, балет по роману Владимира Набокова стоил ему немалых переживаний и сомнений.

— Валентин Васильевич, еще в середине восьмидесятых вы делали диплом на Малой сцене МХАТа, потом работали на съемках фильма Марка Захарова «Убить дракона», у нас более полувека постановок, какие могут быть тревоги у такого профессионала?

— В нашем деле от этого трудно избавиться. Особенно когда придумываешь что-то совершенно новое. Или надеешься, например, на технические новшества, которых на данный момент нет. Когда пробираться несведомыми тропинками, то всегда чувствуешь, насколько неточный шаг чреват провалом.

— Балетмейстер Анна Алексеева объяснила журналистам, что Чебоксары станут первым городом, где стануют «Лолиты». Однако первый балет по роману Набокова все же поставила Ляра Габонцева в республике Саха, и искусство зрители покажут еще и в Москве, и Петербурге.

— Я тоже читала про это в Интернете. Но у нас никто этого балета не видел. Поэтому для нас это был совершенно «чуждый» лист. Работа была очень напряженной. Его то ставили, то откладывали, то решали не ставить вообще. Очень начинали. Отношение к этому роману неоднозначное. И творчески это решалось не всегда гладко.

— После показа в Москве специалитеты почти не высказывались относительно этой работы. Одно из немногих мнений — это трехбалет. То есть, много говоря, постановка не по правилам. Тем не менее, именно такая работа

в этом спектакле врезается в память и, я бы сказала, делает этот спектакль спектаклем.

— Когда я учился в школе-студии МХАТ, Валерий Левенталь говорил нам в таком случае, что художник перестарался. В театре художник — это, конечно, значимый компонент, но не самый главный.

— Почему-то за столь «мужскую» тему, как «Лолита», в балете берутся женщины.

— Меня смутило и то, что и на премьере, как чебоксарской, так и московской, было гораздо больше женщин. Конечно, «Лолита» — это сугубо мужской текст. И далеко не романтический. Это трагедия отвергнутого мужчины, как я ее понимаю. Истории страдания и абсолютно безнадёжны. В постановке Анны Алексеевы это взгляд с совсем другой стороны, гораздо более милой, поэтому у нас появились «девичьи цветочки» и «малышки-облака».

— Ваши костюмы в «Лолите» — лучшее, что есть в спектакле. Они словно сошли с обложки послевоенных американских журналов, отобразив зловещее представление о красивой жизни после большой войны. Это непосредственно Америка вдохновила вас на создание таких костюмов?

— Да, всегда лучше почувствовать самому, чтобы это ощущение передать. Хотя, насколько мы можем это сделать, могут судить, наверное, те, кто там живет. Не зря же и сами американцы приглашают русских постановщиков, чтобы Чехова ставить. Иначе выучается то, что называется

«развесистой клюквой». Как, например, американцы рисуют Россию? Представьте бутылку американской водки, на которой нарисованы какие-то глиняные ибушки и перелушан — это все у них называется «Россия». Вот такую же «Америку» рисовать не хотелось. И если бы я не побывал в Соединенных Штатах, этот спектакль был бы другим, конечно.

— В свое время американский продюсер высмотрел ваш спектакль на китайском телевидении, где показывали балет Российской театральной академии «Лебединое озеро». А что вы оформили непосредственно за океаном?

— Я делал там «Щелкунчика», «Золушку», мюзикл «Крисмас Кэрролл». В основном музыкальные спектакли. И в основном для проката наших же московских трупп.

— Там другая театральная система, как вы в ней себя ощущаете?

— Да, там совершенно другая система взаимоотношений художника и работодателя. Продюсер очень сильно вмешивается в то, что я делаю. Выжить до того, что в контракте ты должен написать почти до мельчайших деталей, что хочешь изобразить. И если начнутся какие-то вольности, могут указать, что ты отступил от договора. Мне это не очень нравится. В конечном итоге результат иногда даже не хочется называть своей работой.

— Но это уже не искусство.
— Я согласен. Это — ремесло. А вот свобода, о которой так долго мечтали наши художники,

ФОТО ВЕРОНИКА

ки, она пока еще в искусстве только у нас и остается. Но я думаю, что ее будет все меньше и меньше.

— И все же какие знания об Америке пригодились в работе над спектаклем?

— Не знания, а ощущение. Опущение жизни, кардинально отличающейся от нашей. Опущение к людям, к одежде, к подаче себя — все абсолютно другое. Русского, приехавшего в США, я, например, узнаю сразу. Так же, когда я учился в Москве, я сразу же узнавал земляка из Чувашии. Есть такие неуловимые вещи: взгляд, фигура, сумка в руке, смех, мимика. Как в случае с испанскими спектаклями.

Когда слышишь, как звучит речь, когда бродишь по рынку, возникает масса ощущений и ты можешь их передать. Я, конечно, побывал в музее Виссачо. Это ощущение Барселоны, Испании, оно мне помогло. Возможно, поэтому наши «Карен-сонг» и «Любовь-вильгельмина» противились в Испании большому впечатлению. Я надеюсь, испанцы узнали в них себя.

— А какой костюм легче де-

лать, сугубо национальный или все национальности?

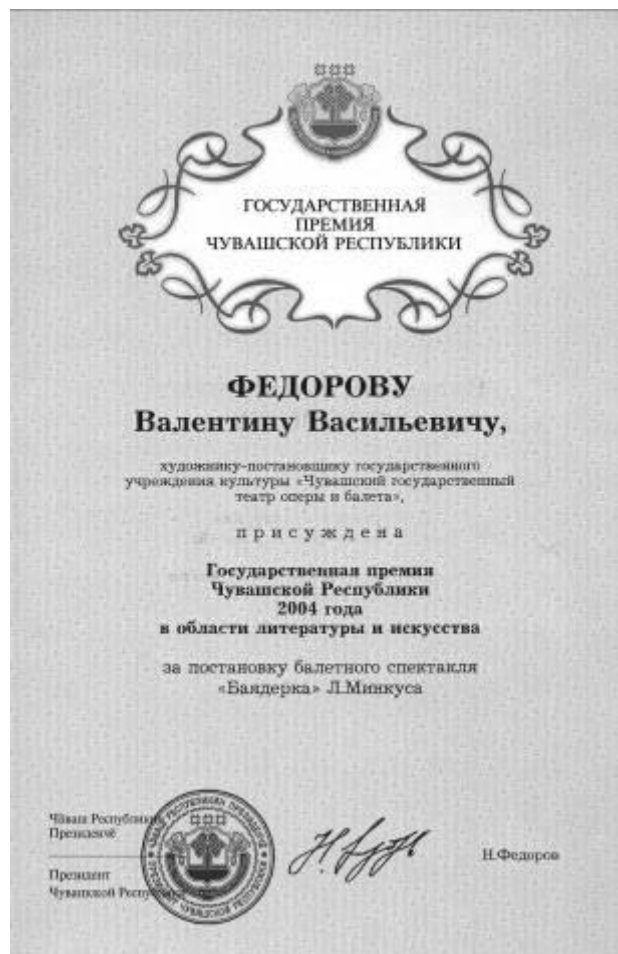
— Когда я чувствую костюм, я не прибегаю к помощи художника по костюмам. И бывает это в тех случаях, когда нужен характер, а не украшательства. Для мюзикла «Нарсан» нужны были чувашские костюмы, а вот для «Паццев» скорее философское решение, обращение к людям, к одежде, к «Лолите» все костюмы черно-белые, кроме розового костюма Лолиты. Набоков точно его описывает. После выхода книги даже появились статьи под названием «Лолитка», когда девушки поголовно стали носить такие платья в нежно-розовую клетку.

— Все-таки вам было очень интересно работать именно над «Лолитой».

— Мне — да. Первый раз я прочитал роман еще в 1987 году, когда разный самиздат давали читать на ночь. Поэтому хотелось передать то первое, сильное впечатление. Теперь пусть это попробует сделать кто-нибудь другой. Если сделает хорошо, я буду только рад, преклонно колени.

Р. КИРИЛОВА.

За большой творческий вклад в дело создания театрального спектакля балета «Баядерка» присуждена Государственная премия Чувашской Республики, 2004 г.

Сцены из популярной рок-оперы «Нарспи», 2008 г.

Сцены из балета «Лолита», 2010 г.

Указ Президента РФ от 2 февраля 2011 года № 128
«О награждении государственными наградами
Российской Федерации»

За заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность наградить:

**МЕДАЛЬЮ ОРДЕНА «ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД
ОТЕЧЕСТВОМ» II СТЕПЕНИ**

ФЕДОРОВА Валентина Васильевича- главного художника государственного учреждения культуры «Чувашский государственный театр оперы и балета»

Президент Российской Федерации

Д. Медведев

Москва, Кремль, 2 февраля 2011 года № 128

